

АННА
СЕМИРОЛЬ

АЗИЛЪ
ОДЕРЖИЗНЬ

О
Д
Е
Р
Ж
И
З
Н
Ь

АННА СЕМИРОЛЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на переплете
и дизайн обложки *Оксаны Ветловской*

Семироль, Анна.

Одержизнь / Анна Семироль. — Москва : Эксмо,
С30 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-164573-1

Со всколыхнувшей благословенный Азиль, город под куполом, революции минул почти год. Люди постепенно привыкают к новому миру, в котором появляются трава и свежий воздух, а история героев пишется с чистого листа.

Но все меняется, когда в последнем городе на земле оживает радиоаппаратура, молчавшая полвека, а маленькая Амелия Каро находит птицу там, где уже 200 лет никто не видел птиц.

Порой надежда — не луч света, а худшая из кар.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164573-1

© Семироль А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

I

Цифры

К концу четвёртой пары силы остаются лишь на то, чтобы следить за передвижением полосы света над покрытой формулами доской. Когда апрельское солнце дотянется из окна до вентиляционной решётки на противоположной стене, ненавистная лекция по математике закончится. И целых четыре дня можно будет не думать о дробях, неизвестных, степенях и извлечении корней.

Худенький светловолосый подросток на заднем ряду у окна прикладывает правой щекой к нагретой солнцем парте. Пришурившись, он смотрит, как в пыльное стекло бьётся пчела. Насекомое недовольно жужжит, настырно раз за разом ударяясь о незримое препятствие. Лапки пчелы покрыты пылью, и кажется, что она одета в золотистые тёплые чулки. И где-то в улье её ждут с добычей...

Паренёк неслышно сползает со скамьи в проход между партой и стеной, с опаской косится на пожилого лысоватого профессора у доски. Тот настолько увлечённо повествует о величии цифр и красоте формул, что не обращает на студентов никакого внимания. Крадучись, парень добирается до окна, сдвигает

раму в сторону, выпуская пчелу на волю. Под звуки улицы в аудитории врывается свежий ветер, взметая листки серой бумаги на партах под оживлённые возгласы студентов.

— Месье Бойер! — восклицает профессор.

Подросток неохотно отворачивается от окна, улыбается, разводит руками:

— Простите, месье Сент-Арно. Пчела...

— Это важнее математики, месье Бойер? — В надтреснутом голосе звучит раздражение.

— Для пчелы — да, — со всей прямоотой и честностью отвечает светловолосый парень и опускает раму.

Следующая реплика профессора тонет в дружном смехе, и учёный муж сердито машет рукой в сторону нарушителя спокойствия, стряхивая с рукава облако меловой пыли. Вскоре в аудитории воцаряется тишина, и лектор возвращается к теме занятия. Подросток садится на своё место, вздыхает и делает вид, что внимательно слушает. Но сосредоточиться на математике не удаётся. Он думает о том, какое невезение — разозлить профессора в день визита куратора.

«Будто у меня и без этого мало неприятностей, — хмуро размышляет он, подпирая ладонью левую щёку. — Сент-Арно наверняка снова заладит о неуважении будущего Советника к старшим, о том, что Университет даром тратит на меня время, а я занимаю чужое место...»

Солнце кажется по-летнему горячим. Под его лучами утихает простреливающая боль там, где покрывают левую щёку шрамы от ожогов — от внешнего угла глаза к углу рта и оттуда к шее и плечу. Надо было слушаться сестру и не болтаться в феврале без шапки. Тогда бы не застудился, и ухо бы не пришлось лечить, и шрамы бы не дёргало так долго.

«Ничего, — бодрится мальчишка. — Прогреюсь на солнышке, и всё уйдёт — как весенняя грязь с улиц. Так было уже, когда мы в море в непогоду выходили. Просто нужно тепло».

Клонит в сон. Хочется поджать ноги, обнять себя за плечи и хоть немного подремать. Вернуться туда, где море, шаткая палуба «Проныры» и строгий взгляд серых глаз Акеми Дарэ Ка.

Одержимость

Грифель в испачканных мелом пальцах медленно выводит на серой бумаге: «27.07.69». Подросток шевелит губами, считая про себя, и через две минуты пишет рядом с первой записью: «271 день». Обводит несколько раз. Смотрит на цифры так, будто ждёт от них чего-то.

— Задание к следующей паре списываем с доски, — повышает голос профессор. — Не забываем, что через две недели — проверочная работа. Кто записал задание, может быть свободен.

Лекторий наполняется гомоном, шуршанием четырёх десятков грифелей по бумаге, шарканьем ног. Студенты торопятся переписать с доски уравнения, наскоро сметают со столов вещи, переговариваются. Светловолосый подросток с задней парты бережно складывает вчетверо исписанный листок, прячет в пластовый чехол грифель, закидывает на плечо старенький акриловый свитер и спускается по ступенькам лектория к выходу.

— Жиль, тебя подвезти домой? — окликает его восемнадцатилетний Кристиан Меньер.

Жиль качает головой и добавляет:

— Спасибо. Я сам.

Кристиан ему неприятен. Внешне всё хорошо, симпатичный, улыбчивый крепыш с коротко стриженными модным «дыбариком» тёмными волосами. Не вызывает доверия его стремление помочь, подвезти, подсказать на проверочной работе. Есть в поведении сына бывшего Советника что-то неискреннее. Жиль это чувствует, читает в хитрых насмешливых глазах молодого Меньера. Когда два года проживёшь на улице, начинаешь считать людей без труда.

— Поехали с нами, быстрее доберётесь! — настаивает Кристиан, широко улыбаясь.

Так улыбался и Рене Клермон в те моменты, когда рядом была Акеми. Улыбка для особых случаев, чтобы все присутствующие видели. От таких улыбок Жиль тошнило. Или хотелось стать слепым.

«Поторчи-ка за дверью, малыш. У нас с Акеми разговор минут на десять...» — и улыбка. Та самая, сладкая, любезная, сочащаяся ложью.

Жиль щиплет себя за руку, прерывая воспоминания. Мимо проходят студенты, покидая лекторий. Меньера уже подхватывает под руку одна из его подружек со Второго круга, тянет за собой. Хохочет наигранно, что-то рассказывает.

Кто-то легонько дёргает Жюля за волосы, заплетённые в косу. Ему даже оборачиваться не надо, чтобы знать, кто это. Лили Ру — милостивая курносая брюнетка с густыми волосами и мелкими острыми зубками — считает, что косичка Жюля Бойера приносит счастье, и всё норовит за неё подержаться. Он сперва сердился и шарахался, но постепенно привык. Лили безобидна. И считает Жюля чем-то вроде забавной игрушки.

— Мне сегодня нужна удача, — сообщает она, неловко краснея. — Андрэ ведёт меня послушать скрипку. Представляешь — настоящую скрипку!

Жиль не представляет, но раз Лили так нужно... Он вежливо пожимает плечами, улыбается. Девушка подмигивает ему и уносится за стайкой подруг. Жиль провожает их взглядом, улыбка медленно гаснет на губах.

— Месье Бойер?

Ну да, конечно. Лектор Сент-Арно — худшее, что есть для Жюля в Университете. «Сейчас попросит остаться», — вздыхает студент про себя.

— Думаю, ваш куратор уже прибыл, — медленно, словно по привычке диктуя лекцию, произносит профессор. — Прошу вас пройти за мной в кабинет декана.

Поникнув головой, юноша послушно плетётся за месье Сент-Арно по коридору, то и дело натываясь на студентов.

— Э, глаза потерял? Смотри, куда прёшь! Осторожно! — несётся то справа, то слева.

Можно было бы ударить. Вполне. Казалось бы, никто не держит. Беги себе, Жиль, двери в конце коридора открыты. И — к морю на обшарпанном красном гиробусе. Или...

— Двести семьдесят один, — тихо шепчет Жиль и переступает порог кабинета декана.

Ему не впервой бывать здесь, но он всякий раз благоговеет перед обилием книг в шкафах за стеклянными дверцами. Их

Одержизнь

несколько сотен — стоящих плотно, корешок к корешку, в потёртых и потускневших от времени переплётках, едва ощутимо пахнущих, будящих воспоминания о доме. Голова кружится, если вдуматься, сколько знаний хранят эти книги. А если это ещё и истории...

«Когда-нибудь решусь, — думает Жиль, скользя взглядом по книжным шкафам. — Подойду и посмотрю, о чём эти книги. Не может быть, чтобы это были только учебники. Столько наук в мире не наберётся».

Деликатное покашливание заставляет подростка оторваться от созерцания библиотеки и торопливо поздороваться с сидящим за столом деканом — мужчиной лет сорока с обманчиво мягкой улыбкой. Уж кому, как не Жилю, знать, каким строгим может быть месье Лабранш.

— Присаживайся, бессовестный прогульщик, — качает головой декан и указывает Жилю на скамейку перед своим столом. — Месье Сент-Арно, позвольте представить вам месье Канселье — куратора Жилия Бойера.

— Здравствуйте, — вздыхает Жиль, пряча в полупоклоне полный тоски взгляд.

Начальник полиции Артюс Канселье приветствует воспитанника вежливым кивком, пожимает руку профессору математики. Жиль забивается в дальний угол скамьи, опускает голову и замирает. Знает, что от общения куратора с Сент-Арно глупо ждать чего-то хорошего.

— Ну что ж, — начинает декан. — С вашего позволения, поговорим о деле. Так как я весьма заинтересован в успеваемости месье Бойера, я отслеживаю её по всем предметам. Результаты меня удивляют. Наш юный студент демонстрирует феноменальную память, высокую способность к усвоению материала. И категорическое нежелание учиться.

Канселье сдержанно хмыкает. Жиль делает вид, что в мире нет ничего интереснее грязи под ногтями.

— Месье Лабранш, скажу больше! — напористо встречает Сент-Арно. — У него нет никаких способностей к математике!

Абсолютно! Худший студент в группе, месье декан! Либо слишком юн, чтобы понимать царицу наук, либо просто необучаем.

— Необучаем? — усмехается декан Лабранш.

— Совершенно! Ни одной сданной проверочной работы! — кипит профессор. — На лекциях спит, прогуливает...

— Жиль, покажите мне, что записали сегодня, — строго требует Лабранш.

— Я забыл листок в лектории, — еле слышно отзывается подросток.

Канселье ловким движением вытаскивает из-под ладони Жилья сложенный листок и спрашивает:

— Этот?

— Отдайте! — вскакивает с места мальчишка, но поздно: листок ложится на стол перед деканом.

Лабранш разворачивает волокнистую серую бумагу, рассматривает, хмурится.

— Что значат эти даты? — спрашивает он.

Жиль молчит, стиснув зубы.

— Двести семьдесят один день — это что? Месье Сент-Арно, это ответ на задачу?

— Это чёрт знает что! — фыркает математик.

Канселье заглядывает в листок, раздумывает секунду, кивает сам себе, подходит к Жилью, кладёт руку ему на плечо, пожимает ободряюще.

— Месье Бойер, — строгим голосом окликает декан, — вы понимаете, что Советнику без образования нельзя? У нас уже был разговор на эту тему в январе, верно?

— Верно.

— Вас зачислили в студенты по результатам вступительного экзамена. Мой друг Ксавье Ланглу убедил меня в том, что вы очень способны. Сказал, что сам вас готовил по школьной программе. Результаты экзамена на знание языка и математики, способности к логическому мышлению и поиску нестандартных решений были великолепны. Если бы я не находился с вами рядом во время тестирования, я бы сказал, что это писали не вы.

Одержизнь

Лабранш делает паузу, вглядывается в листок бумаги перед собой.

— Двести семьдесят один день — это сколько недель?

— Полных тридцать восемь, — отвечает Жиль, не задумываясь.

— Часов?

— Шесть тысяч пятьсот семь.

— Неверно! — качает головой декан.

Жиль поднимает на него взгляд, полный тихой, сдержанной ненависти, понятной лишь Артюсу Канселье.

— С двух часов дня двадцать седьмого июля прошлого года до сего момента — ровно шесть тысяч пятьсот семь часов, месье Лабранш, — сдавленно произносит подросток. — Я могу извлечь из этого квадратный, кубический корень в уме, поделить на любое число, будь оно целым или дробным. Здесь, при вас, не пользуюсь счётами и записями. Но не хочу и не буду. Я не хочу получать образование только потому, что оно должно быть у выходца из элиты. Это не делает меня лучше или хуже, месье декан. Месье Сент-Арно неоднократно говорил, что я занимаю чужое место. Я согласен. Я не хочу учиться. Я не хочу становиться Советником. Мне это не нужно.

— Так, успокойся! — Руки начальника полиции стискивают тощие мальчишкины плечи. — Замолчи немедленно. Месье Лабранш, я прошу извинить моего подопечного. Подросток, возраст бунтарства.

Декан понимающе кивает.

— Месье Сент-Арно, я прошу прощения и у вас, — ровно и вежливо продолжает Канселье. — Уверен: будущий Советник Бойер возьмётся за ум и проявит себя в математике с лучшей стороны.

Жиль вскакивает, хватая со стола декана листок и выбегает в коридор. Спустя несколько минут начальник полиции Азиля находит юного Бойера сидящим под колонной в вестибюле.

— Вставай. Шагай в машину, — распоряжается Канселье. — Речи о твоём отчислении не идёт. Особенно после того, как ты отмочил этот фокус с числами.

— Валите в жопу! — злобно огрызается Жиль и получает звонкую затрещину.

— После вас, месье Бойер! — ехидно комментирует Канселье. — Не нравится учиться? Мыть полы в лекториях приятнее?

Жиль вспыхивает до корней волос. Откуда Канселье знает, чем он подрабатывает?

— Да, приятнее! Я хочу помогать отцу Ланглу, хочу работать, а не тратить время зря в компании элитариев! — вопит подросток. — Не нужна мне ваша учёба!

Канселье хватается за ухо, заставляя подняться. Пинком гонит к выходу на улицу. И только за дверью, убедившись, что никто не наблюдает за ними, он хватается Жюля за свитер на груди и тихо, чётко говорит:

— Ты будешь учиться. Ты дал слово отцу Ланглу — это раз. И два: только будучи Советником ты сможешь помочь той, чьи дни ты считаешь на лекциях по математике. Влюблённый уличный пацан ничего не изменит для неё, запомни. Но человек, стоящий у власти, — сможет. А теперь приведи себя в порядок и шагай вперёд. Мадам Вероника просила привезти тебя домой. Велосипед твой где? Забирай, привязывай к крыше машины, и поехали.

Жиль послушно идёт туда, где на площадке за Собором студенты Второго круга оставляют свой нехитрый транспорт. Канселье провожает его строгим взглядом и словами:

— Дай тебе бог не только ума и верности, но и хоть немного смирения, юный Бойер...

Электромобиль у Канселье неуютный. Жёсткое сиденье, запах курева, пропитавший обивку намертво. Жиль поглядывает на начальника полиции, забившись в угол, и пытается вспомнить, видел ли его хоть раз курящим.

— Поговорить хочешь? — не отрываясь от вождения, спрашивает парня Канселье.

Жиль пожимает плечами, отводит взгляд. Расслабленно смотрит на зелень полей, проносившихся за окном.

— У тебя друзья есть?

Одержизнь

Отвечать не хочется. Нет доверия к человеку, которого никогда не видел без полицейского мундира. Будто у этого человека нет ничего, кроме его работы. И любой разговор с ним похож на допрос.

— Послушай, тебе в жизни придётся говорить с разными людьми. Большинство из них будут неприятны. Учись общаться. — Голос Канселье смягчается, тон становится более доброжелательным. — Отец Ксавье наверняка обучал тебя и этому, верно?

— Почему ему не позволили быть моим опекуном? — спрашивает Жиль, ловя взгляд Канселье в зеркале заднего вида.

— Потому что никто не доверит опеку будущего Советника убийце, — жёстко отвечает начальник полиции.

Жиль подбирается, как сжатая пружина, и, схватившись правой рукой за ручку над окном машины, левой распахивает дверцу. Канселье бьёт по тормозам, электромобиль со скрежетом скользит по дороге несколько метров, останавливается.

— Ты что творишь? — наспех отстёгивая ремень безопасности, выдыхает Канселье.

Подросток спокойно дожидается, когда куратор выйдет из машины, подбежит к открытой настежь двери, и только тогда отвечает:

— Убийцей можете стать и вы. Стали бы им несколько секунд назад. Вас бы им назначили. И опекун из вас поганый.

Злится, понимает Канселье. Ох как злится. Да, не стоило при нём так отзываться о Ланглу. Чёртов пацан... Такой и правда из машины на ходу прыгнуть может. Потом не оправдаешься перед Советом.

— Ладно, Жиль. Извини, — примирительно произносит Канселье.

— Вы и мизинца его не стоите, — сверля взглядом пуговицу на его мундире, цедит Бойер.

— Хорошо, не стою. Давай-ка, пересаживайся вперёд. И пристёгивайся для надёжности.

— Вы ничего о нём не знаете, — продолжает Жиль. — Осуждать проще. Проще назвать убийцей того, кто спас ваш грё-

баный город. Кто сберёт его детей. А, да! Это и мой грёбаный город тоже. И я жив только благодаря отцу Ланглу.

Давая понять, что разговор окончен, Жиль захлопывает дверцу электромобиля и щёлкает блокиратором. Канселье возвращается за руль, чувствуя себя несколько неловко. С собственными детьми в возрасте Жилия Бойера ему было куда проще общаться.

«А что дети? — думает Канселье, заводя двигатель. — Мои — обычные, домашние, спокойные, при отце и матери. Не сравнить с этим. Нет, зря я так про Ланглу. Мальчишка за него порвать готов, не учёл. А врагами нам с ним быть совсем нельзя...»

Он заглядывает в зеркало заднего вида. Бойер сидит, глядя перед собой, рот — прямая линия. В голубых глазах стыннут льдом упрямство и тоска. Вот как теперь говорить с ним?

— Жиль, — окликает его Канселье, — я прошу прощения за свои слова. Мир?

Молчит. Замкнулся, закрылся, и ключа не найти. «Это пока не найти, — кивает сам себе Канселье. — Нет, Жиль, нам придётся ладить. Как бы тебе ни хотелось, чтобы я оставил тебя в покое».

Электромобиль продолжает свой путь к Ядру, погромыхивая помятым задним крылом. Канселье собственноручно выправляет его после того, как машина побывала в толпе во время беспорядков. Стекло пришлось менять, а вот жестяных деталей не нашлось. Зато они со старшим сыном приобрели ценные навыки в ремонте электромобиля.

«Сегодня — начальник полиции, а кем я буду завтра при новой власти — неизвестно, — рассудил тогда Канселье-старший. — А умения разные нужны».

Взметнув облако пыли, их обгоняет машина кого-то из богатых студентов: за рулём юнец, на заднем сиденье три девчонки, машут руками в открытые окна. Канселье провожает их взглядом и оглядывается на Жилия. Тот с безразличием смотрит на линию горизонта.

— Кажется, твои друзья, — пытается завязать разговор Канселье.

Одержизнь

— Элитарии мне не друзья, — отрезает подросток.

— Суров! И как ты думаешь жить в Ядре, не общаясь с равными по происхождению?

— Если мне уготовано работать на людей, общаться я буду с теми, для кого стану работать.

— Пример Доминика Каро для тебя ничего не значит?

— Я не собираюсь вести в Ядро тех, кто дорог. Я сам к ним уйду.

Начальник полиции не может сдержатъ усмешку.

— Что? — насторожённо спрашивает Жиль.

— Да ничего. Возраст у тебя замечательный. Всё в мире либо чёрное, либо белое.

— Либо я не хочу с вами разговаривать.

— Да чёрт с тобой, не разговаривай. Только дверь больше на ходу не открывай.

Остаток пути до Ядра Жиль спит, натянув на голову безразмерный свитер, а Канселье думает о своём. О том, что сын всё больше времени проводит со своей девушкой, а дочь всё кашляет и кашляет с самой зимы.

Ворота КПП открываются, охранник отдаёт честь, пропускающая помятый электромобиль начальника полиции на территорию Ядра.

— Хоть за автомат подержись для приличия, раз документы не проверяешь, — шутит Канселье, опустив оконное стекло, и медленно ведёт машину по мостовой под аркой ворот.

Разбуженный мальчишка на заднем сиденье зевает, трёт глаза, озирается по сторонам. Провожает сонным взглядом особняк Каро на вершине холма у поворота к реке, по-детски вытягивает шею, пытаясь заглянуть через перила, когда машина въезжает на мост.

— Красивые цветы, — кивает в сторону роскошного сада Канселье. — Кто там живёт? Кажется, семья месье Сержери?

— Угу, — откликается Жиль. — Вероника брала луковицы тюльпанов у старенькой мадам Кристель. Вон тех, полосатых, с пушистыми краями.